

На правах рукописи

КОТОВА Нина Сергеевна

**АМБИВАЛЕНТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА, ПРАГМАТИКА**

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Краснодар – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка и теории языка Педагогического института ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Меликян Вадим Юрьевич
(Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону)

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Термова Римма Михайловна
(Российский государственный педагогический
университет им. А.И.Герцена,
г.Санкт-Петербург)

доктор филологических наук, доцент
Кузнецова Анна Владимировна
(Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону)

доктор филологических наук, профессор
Факторович Александр Львович
(Кубанский государственный университет,
г. Краснодар)

Ведущая организация: Государственный институт русского языка
им. А.С.Пушкина, кафедра общего
и русского языкознания

Защита состоится «23» октября 2008 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.101.01 по филологическим наукам при ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.М.Новоставская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной лингвистике, включая науку о русском языке, растет интерес к языковой личности (ЯЛ), которая впервые обоснована как особый объект филологии Ю.Н.Карауловым в последней трети XX века. В типологии ЯЛ сочетаются строгость и определенная открытость; самодостаточность и связь с проблематикой языковой картины мира (ЯКМ). С этим связано осмысление элементов лексической, грамматической, прагматической подсистем как маркеров того или иного типа ЯЛ, например, элитарной ЯЛ (см.: Исаева, Сичинава 2007).

Для понимания таких объектов, как ЯЛ, значим принцип интеллектуализма (Немец 2008), мотивирующий многомерные сущности. Поскольку «языковая личность представляет собой многомерное образование» (Карасик 2004, 21) - постольку и учение о ней неизбежно откликается на те или иные тенденции в лингвистике, в смежных областях, на активизацию определенных феноменов в объектном пространстве гуманитарного знания. Среди таких феноменов заметное место занимает амбивалентность и амбивалентная личность (АЛ). Их концептуализация восходит к работам первой половины XX в. австро-швейцарского ученого Э.Блейлера (2005), а в отечественной науке – к трудам И.Н.Михеевой 1980-1990 гг., особенно к ее монографии «Амбивалентность личности» (2000). Как обобщают современные исследователи, «амбивалентность стала фундаментальным понятием, которое используется при анализе и здоровой, и больной души. В настоящее время амбивалентность предстает как один из законов человеческой природы, а именно - закон одновременности разнохарактерных (часто противоположных) влечений, чувств, мотивов поступков, ценностей, отношений. Амбивалентность связана с центральными оппозициями бытия. Среди них — правда и ложь... Добро и зло, сила и слабость, красота и уродство. Безопасность и страх, вера и безверие, надежда и отчаяние и т.п.» (Юревич 2007, 111-112, со ссылкой на А.В.Петровского и других авторов). Подчеркнем, что корни амбивалентности прослеживаются с древнейших времен на литературном материале как «...разговор человека с самим собой как с «другим», свидетельствующий о «раздвоении личности». Истоки этого диалога обнаруживаются уже в древнеегипетской «Беседе...» (Бочкарева 2007, 141). В современный же период показательно проявление амбивалентности в самых различных ситуациях, включая официально-деловые: такова «раздвоенность образа государственного обвинителя... Проблема в том, что сам государственный обвинитель понимает раздвоенность своего положения (...) человек, облеченный властью государственного обвинителя, начинает воспринимать судебный процесс, в котором он участвует, так, как будто смотрит на него со стороны...» (Подольный 2006, 61; это мнение практика и одновременно ученого, заведующего кафедрой правоведения Мордовского госуниверситета).

Важной тенденцией в исследовании АЛ является её раскрытие через языковые, речевые проявления. Причем как в продуцировании речи, так и в рецепции: амбивалентный характер личности может определяться путем ее характеристики другим лицом, в т.ч. исследователем, а также посредством

самохарактеристики. Таковы общефилологические суждения, посвященные амбивалентным личностям: «Итак, личность Михаила Коробейникова мы относим к эгоцентрическому типу. В противовес нашему мнению, автор в романе стремится представить его в образе амбивалентного типа, стремящегося к христианскому» (Евдокимова 2008, 137). В филологических исследованиях отмечают проявление амбивалентности образа-персонажа в языковых особенностях текста (см., например: Сной, 2007, 122 и др.).

Не менее существенная тенденция исследуемой сферы - обоснование амбивалентности определенных языковых средств. Например, исследователь на основе анализа трех видов ФЕ по характеру валентности (моно-, амби- и поливалентные) заключает: «самыми репрезентативными оказываются амбивалентные»; в то же время выявляет ограничения: «среди французских ФЕ сферы психоэмоционального состояния ... не зафиксировано ни одной амбивалентной единицы» (Луговая 2007, 11). Подчеркнем закономерное терминовое различие, представленное у различных исследователей: амбивалентная единица, амбивалентное имя-отчество, амбивалентная ФЕ и т.п. Таким образом, при определенных условиях единица подсистемы определяется именно как амбивалентная. На этом основании, в частности, амбивалентными могут быть амбисемичные номинации, рассматриваемые в первой главе.

Указанные тенденции и обуславливают лингвистическую **актуальность** исследования АЯЛ. Различаем три вектора этой актуальности. Первые два достаточно дифференцированы между собой.

А именно, во-первых, важным модусом пространства гуманитарного знания считается мир как единство контрастов, включая полярные; во-вторых, в теории языка растет объяснительная сила понятия ЯЛ.

В-третьих же, взаимодействие двух векторов имплицитно подразумевает необходимость такого типа ЯЛ, который выступает носителем «единства полюсов» как сложного целого.

С этим связана корреляция между объектом исследования и природой познания. Так, «противоречивость характеристик, используемых для определения науки и научной деятельности, показательным образом проявилась в эволюции взглядов Р.Мертон, одного из ведущих ... социологов науки... В статье «Амбивалентность ученого» Мертон был вынужден говорить о том, что каждой норме может быть поставлена в соответствие прямо противоположная контрнорма» (Юдин 1986, 4). Применительно к исследуемой проблематике это обобщение переключается с установкой «побивать Соссюра самим Соссюром» (Бодрийяр 2000, 44).

Приведенные обоснования позволяют дать **исходную рабочую дефиницию АЯЛ** с опорой на концепцию ЯЛ В.И.Карасика. **Это такой тип ЯЛ, т.е. человека, существующего в языковом пространстве (в общении, в стереотипах поведения, закрепленных значениями языковых единиц, смыслами текстов), для которого определяющим является совмещение взаимоисключающих характеристик.**

Опора в дефиниции на понятие пространства принципиальна по двум причинам. Во-первых, она связана с установкой осмыслять гуманитарные

объекты континуально, с опорой на концепты «сфера», «область», «пространство» и ряд иных. Во-вторых, для АЯЛ особо важно углубление познавательной значимости пространства в связи с отношением часть-целое (оно, как показано во второй главе, одним из самых существенных для представления АЯЛ). Для рассматриваемой проблемы справедливо обоснование этого отношения, выполненное на ином материале: «...люди осознают пространство через систему координат, представленную разнообразными отношениями между объектами в пространстве. Самыми распространенными среди них являются отношения части и целого, элемента и множества...» (Клемёнова 2008, 96, с обобщением лингвокогнитивных подходов).

Объект исследования требует специальной характеристики. В общем виде – это средства лексической, грамматической, прагматической подсистем, представляющие АЯЛ. Условно именуем их маркерами амбивалентности. Это понятие может конкретизироваться (маркер-ориентир, маркер-амбисемия, маркер-смена лексических регистров и т.п.). АЯЛ бывает представлена тремя проявлениями: собственной речевой деятельностью, рецепцией со стороны другой ЯЛ (в том числе повествователя) и их взаимодействием.

Личностную амбивалентность могут закреплять и намечать разноплановые языковые средства – см. выделенные единицы, характеризующие ЯЛ как сложную цельность, «единство полюсов» – т.е. как АЯЛ в следующем контексте (детально рассматриваемом в третьей главе): «Каждое явление, попадая в семью Бугаевых, подвергалось противоположным оценкам со стороны отца и со стороны матери. (...) «Раздираемый», по собственному выражению, между родителями, Белый (*Андрей Белый, псевдоним поэта и писателя Бориса Бугаева. – Н.К.*) по всякому поводу переживал **относительную правоту и неправоту каждого** из них. Всякое явление оказывалось двусмысленно, раскрывалось двусторонне, двузначаче. Сперва это ставило в тупик и пугало. С годами вошло в привычку и стало **модусом** отношения к людям, к событиям, к идеям. Он полюбил **совместимость несовместимого**, трагизм и сложность внутренних противоречий, **правду в неправде**, может быть – добро в зле и зло в добре. Сперва он привык таить от отца любовь к матери (и ко всему «материнскому»), а от матери любовь к отцу (и ко всему «отцовскому») - и научился понимать, что **в таком притворстве нет внутренней лжи**. Потом ту же двойственность отношения он стал переносить на других людей - и это создало ему славу двуличного человека. Буду вполне откровенен: нередко он и бывал двуличен, и извлекал из двуличия ту выгоду, которую оно иногда может дать. Но в основе, в самой природе его двуличия не было ни хитрости, ни оппортунизма. И то и другое он искренно ненавидел. **Но в людях, которых любил, он искал и, разумеется, находил основания их не любить. В тех, кого не любил или презирал, он не боялся** почувать доброе и порою бывал обезоружен до нежности. Собираясь действовать примирительно – вдруг вскипал и раздражался бешеными филиппиками; собираясь громить и обличать – внезапно оказывался согласен с противником. Случалось ему спохватываться, когда уже было поздно, когда дорогой

ему человек становился врагом, а презираемый лез с объятиями. Порой он лгал близким и открывал душу первому встречному. Но и **во лжи** нередко **высказывал** он только то, что казалось ему «**изнанкою правды**», а в откровениях помалкивал «о последнем» (Ходасевич. Некрополь)

В сложном и гармоничном целом, интегрирующем несколько плоскостей дифференциации, тесно взаимодействуют средства речевой рецепции и продукции. К первым относятся характеристики А.Белого автором («**в таком притворстве нет внутренней лжи**. Потом ту же **двойственность отношения** он стал переносить на других людей»). Вторые связаны с речевой активностью самого А.Белого, включая его художественное творчество («Собираясь действовать **примирительно** – вдруг вскипал и разражался **бешеными филиппиками**; собираясь громить и **обличать** – **внезапно оказывался согласен с противником**; **во лжи** нередко **высказывал** он только то, что казалось ему «**изнанкою правды**»).

Тесное переплетение охватывает глубоко специфичную полисистему средств (включая имплицитные: обобщенный объект при абсолютном употреблении предиката *обличать* коррелирует с эксплицитным именовани-ем актанта при формально симметричном предикате: *согласен с противником*). В этих средствах закреплена интеграция контрастных, полярных «голосов». Судя по подобным примерам, целесообразно транспонировать на одно лицо, на достоверно-художественную реальность выявленное на другом материале «столкновение множества дискурсов, диаметрально противоположных воззрений оппонентов о мире, концептуально представленных в форме различных символических реальностей» (Кудряшов 2008, 120; это суждение восходит к концепции А.В.Осташевского, развиваемой в его новых работах, - см.: Осташевский 2007). Отмеченное «столкновение дискурсов» еще более обобщенно объясняется характерным для художественного мира «переходом от «внешней» к «внутренней» точке зрения, и наоборот. ...То, что является истинным в одном пространстве, может являться ложным в другом» (Кузнецова 2007, 133).

. Подчеркнем важность для анализа таких понятий, как маркер и регистр, специально отмечаемых в последующих главах. Она связана с традицией соотносить грани субъекта, неотделимой от расширения границ текстового пространства и времени – например, на материале текста романа «Евгений Онегин»: «В структуре категории автора здесь отчетливо дифференцируются и взаимодействуют два субъекта речи – повествователя: эпический и лирический. Первый соотносится главным образом с объективным планом изображения, второй – с субъективно-оценочным»... «между понятиями «писатель» и его художественным инобытием, «образом писателя» в романе диалектически противоречивое отношение. Они соотносительны, но не равны. ... Последний получает относительную независимость и самостоятельность в своем развитии. ...Лирический повествователь и лирический герой... тесно взаимодействуют в тексте, уточняя и дополняя друг друга. Поэтому в ином плане их можно считать двумя ипостасями одного и того же субъекта речи.В ином плане можно говорить о переходе единого субъекта речи в

другое амплуа, на другой **регистр** повествования... Главным **языковым маркером** ввода лирического героя в текст являются различные формы личных и притяжательных местоимений...» (Новиков 2000, 197-199. Выделено нами. – Н.К.)

Предметом исследования являются свойства единиц и связей, благодаря которым распознается амбивалентность языковой личности. К этим свойствам относятся «семантическое расстояние» между отдельными компонентами значения, линейная контактность-дистантность носителей разных характеристик при реализации, взаимосвязь между лексическими, грамматическими и прагматическими характеристиками.

Источниками **эмпирического материала** послужили два основных корпуса текстов: а/классические художественные и б/современные художественные, публицистические, научные. Пропорционально-сплошной выборкой извлечено по 1000 контекстов из каждого корпуса. Дополнительную выборку составили репрезентативные контексты из других источников, в т.ч. примеры из текстов официально-делового стиля. Специально акцентируются случаи соотнесенности между литературными контекстами и фрагментами «художественной», «первой реальности». Всего использовано 2600 контекстов, из которых в тексте диссертации анализируются 260. (Иллюстративный материал выделяется в работе одним из двух способов: либо полужирным шрифтом весь контекст, либо один или несколько его компонентов, концентрирующих в себе амбивалентность). Каждый контекст подвергся лексикографической обработке с опорой на толковые и аспектные словари (в том числе синтаксические). Специальное внимание уделено дискурсам авторов, раскрывающих тенденцию личностного раздвоения: А.Погорельского, А.С.Пушкина, А.Ф.Вельтмана, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова и далее, через М.А.Булгакова, В.Т.Шаламова, - до наших современников (Б.Екимов, Д.Корецкий, А.Попов, Г.Хмуров, З.Прилепин и др.). Такой отбор мотивирован соображениями цельности: в сфере АЯЛ предполагается единство репрезентативности, соответствие между определенными текстами классической прозы и современных авторов.

При таких предпосылках **цель** исследования определяется комплексно, двупланово. Основная целевая установка – выявить взаимопредназначенность между феноменами языковой личности, амбивалентности и определенными системно-языковыми средствами; с этой установкой связана дополнительная целевая направленность - охарактеризовать соответствующие средства лексической, грамматической, прагматической системности, в том числе - в их взаимосвязях.

Осуществление цели опирается на решение шести основных **задач**:

а/установить те аспекты лексической подсистемы, которые взаимообусловлены с репрезентацией АЯЛ;

б/проанализировать лексические ориентиры, амбисемию и смену лексических регистров как системные средства представления АЯЛ;

в/обосновать те характеристики грамматической подсистемы, которые благоприятствуют представлению АЯЛ;

г/рассмотреть категориальные значения, амбивалентно ориентированные грамматические и лексико-грамматические единства, репрезентирующие АЯЛ;

д/определить ту специфику прагматической системности, которая связана с АЯЛ;

е/систематизировать интегративную и дифференцирующую прагматические доминанты представления АЯЛ.

Методология настоящего труда заключается в следовании двум взаимодополняющим принципам; каждый из них связан с сущностью исследуемого феномена и притом с системным подходом в гуманитарном познании. Первый методологический принцип, представленный в наследии М.М.Бахтина, – многомерное соотнесение целых и частей, коррелирующее с полиаспектностью объекта: в «дохудожественной» реальности преобладают реакции на отдельные проявления, а не на целое человека, «в художественном же произведении в основе реакции автора на отдельные проявления героя лежит единая реакция на *целое* (*курсив автора. – Н.К.*) героя, и все отдельные его проявления имеют значение для характеристики этого целого как моменты его» (Бахтин 2000, 32-33). Этому принципу соположена другая установка, результирующая для лингвистической концепции В.И.Карасика и обладающая значительным методологическим статусом: «Языковая личность едина в ее различных проявлениях и аспектах изучения...» (Карасик 2004, 6; см. также: Карасик 2002, 164; Карасик 2007, 223). Таким образом, в *общенаучном плане* методология определяется как реализация принципа системности, а *частнонаучной* методологией является взаимно-неоднозначное соотнесение сущностей и проявлений лингвистического объекта, а также учет изоморфизма различных подсистем языка. Приведенные обобщения в дальнейшем применяются к анализу языковой системности.

Методологизация единства различий, в том числе полярных, обуславливает систему привлекаемых **методов и приемов** анализа. Согласно утвердившемуся наполнению понятия «метод», он включает представление «1) о способах выявления нового материала и его внедрения в научную теорию; 2)...о способах систематизации и объяснения этого материала» (Степанов 2002, 5; см. также: Жеребило 2005, 155-157 и др). Соответственно главным способом выявления нового материала в работе является «контекстный анализ - анализ части через целое» (Жеребило 2005, 136), фиксирующий столкновение двух несовместимых характеристик. Основным же способом объяснения и систематизации материала является компонентный анализ, направленный на лексемы, лексико-семантические варианты, грамматические и прагматические феномены, включая граммы, прагмы. Компонентный анализ при этом традиционно определяется через два тезиса: «1) значение любой языковой единицы представляет собой определенный набор семантических компонентов; 2) все единицы языка могут быть описаны с помощью некоторого набора этих семантических компонентов» (Кузнецов 1986, 8). Для дополнительного подтверждения тождеств и различий привлекается приемы субституции и конструирования, а также прием интерпретации, со-

ответствующий концепции дискурсивного анализа Т.А. ван Дейка (ван Дейк 1989) и теории интенциональных состояний Дж. Серла (Searle 1983). В единстве с названными основными методами используются стилистический и лексикографический анализ.

Приведенные методолого-методические характеристики определяются в следующем познавательном контексте, возводимом к Р.Барту: «Современная ... научная методология считает условием исследования объекта относительность системы отсчета» (Степанов 2002,50); по нашему мнению, это касается и самой относительности – то есть существуют свойства и связи, основательные, справедливые при самых разных, а возможно, и при любых системах отсчета.

На защиту выносятся следующие семь положений:

1. В типологии ЯЛ определяется АЯЛ как особый феномен, соотносимый с ранее описанными типами. Для АЯЛ принципиально единство двух свойств: сосуществование взаимоисключающих начал и его представление языковыми средствами. Взаимообусловленность двух данных свойств позволяет дифференцировать АЯЛ и смежные феномены.

Для выявления и анализа АЯЛ опорными служат средства языковой и речевой системности - среда проявления различных типов, видов, разновидностей языковой личности. В каждой подсистеме определяются средства двух видов: существенные для представления АЯЛ и безразличные к нему.

2. АЯЛ – это специфический феномен, адекватный как давним традициям представления ЯЛ, так и нарастающей информационной полифонии, а конкретно - взаимодействию противоположностей. Эта специфика определяет полисистему средств, представляющих АЯЛ в дискурсах. Своеобычная необходимость и достаточность АЯЛ как типа ЯЛ связана с динамикой информационного пространства и динамикой ощущения (переживания, переосмысления) субъектом собственной жизни.

Для феноменологического укрепления АЯЛ существенны определенные традиции дискурсии, в частности, дискурса А.Погорельского, Ф.М.Достоевского.

3. АЯЛ как типу ЯЛ свойственна значительная емкость в выражении личностной динамики по сравнению с различными комбинациями, фиксирующими постепенные переходы от одной грани личности к другой.

При этом для АЯЛ релевантен целостный образ, позволяющий интегрировать контрастные грани личности и ситуации. В связи с этим субъект вводится в поле, общее с разными средами. Эта особенность определяет систему различных направлений актуализации АЯЛ.

4. С сущностью АЯЛ взаимосвязана специфическая корреляция между формой и содержанием. Она фиксирует концентрацию особых качеств ситуации.

В АЯЛ как феномене лексическая семантика, грамматика и прагматика связаны тесно и специфично. Их связь вовлекает в репрезентацию АЯЛ те средства, которые емко передают взаимодействие контрастов (лексическую энантиосемию, особые виды категориальных сопоставительных отношений и

нек.др.). Определенная общность между лексической, грамматической и прагматической основами сторонами дискурса благоприятствует регулярной реализации тех единств, которые представляют АЯЛ.

5. Три аспекта представления АЯЛ: лексический, грамматический, прагматический – проявляются двумя различными «векторами». Первый – относительная независимость: так, специфическая лексико-семантическая организация оказывается достаточной для выявления и функционирования АЯЛ. Другой вектор – тесное взаимодействие: две или все три подсистемы совместно участвуют в репрезентации АЯЛ.

Сосуществование этих двух «векторов» позволяет акцентировать те стороны подсистем, которые наиболее актуальны для представления АЯЛ. Их основу составляют комплексы, обладающие фрагментационным потенциалом (*часть меня* и т.п.).

6. Соответственно определяется необходимость уточнения общего понятия ЯЛ по степени определенности, включая различие цельности и амбивалентности. Это положение связано с дополнительной параметризацией ряда средств языка и речи: энантиосемии, амбисемии, аллосемии и др.

Существенна линейная специфика представления при несовместимых характеристиках ЯЛ: они регулярно разделяются минимальными текстовыми отрезками (одна-две единицы того же порядка) или даже непосредственно соседствуют. Эта контактность раскрывает широкие возможности передать фрагментацию и служит средством типового представления АЯЛ.

7. Принципиальным является положение о взаимосвязи между двумя феноменами: с одной стороны, АЯЛ, – и, с другой, языковой лексической, грамматической, прагматической системностью. Определенные системные средства избирательно нацелены на представление АЯЛ. Растущая потребность ее закрепления способствует развитию этих средств. Например, структурно закрепленная модальность нежелания допускает обращенность на себя – нежелание быть, оставаться самим собой. Такие возможности характеризуются двойной релевантностью: они акцентируют границы языковой системности и в то же время показывают ее многообразие, динамику.

Научная новизна результатов определяется в двух взаимосвязанных сферах. Одна область характеристики новизны – лингвистическая системность. Выявлена возможность языкового представления полярных граней личности в сложном единстве, не теряющем целостность. А также – способы осуществления этой возможности, т.е. ранее не установленные соответствия между лексическими и грамматическими, лексическими и прагматическими, грамматическими и прагматическими средствами, которые определяют совмещение резко контрастных характеристик. Эти соответствия носят как общий, так и частный характер. В общем плане принципиальна амбисемия как особая семантическая гибкость, допускающая взаимопроникновение полярных значений у определенных единиц системы. В частном плане описаны характеристики ряда полисемантов (например, ДРУГОЙ), благоприятствующие одновременному использованию взаимоисключающих сем при функционировании. -

Другая сфера новизны – типология ЯЛ. Впервые охарактеризован особый тип ЯЛ – АЯЛ. С единых позиций описаны подсистемы средств, представляющих данный тип как сложную целостность.

Теоретическая значимость результатов – это их обращенность к разрешению трех проблемных комплексов разной степени обобщенности. Во-первых, для науки о языке небезразличны взаимосвязи, выявленные в сфере представления АЯЛ: они в особом направлении теоретизируют ограничения и предпочтения, раскрывающие языковую системность. Теоретически значимо проявление в сфере АЯЛ, в лингвистических координатах более общих закономерностей. Так, установлено действие в этой сфере бинарных оппозиций, преимущественно эквиполентных, всеобщая сущность которых взаимообусловлена с совершенно специфичным набором средств представления АЯЛ. Глубоко специфично подтверждаются в сфере АЯЛ две общесистемные закономерности; одна из них определяет особую системность текста: «текст – частный случай системы» (Лукин 2005, 63). Именно в русле этой закономерности необходимо отметить определенную условность разграничения текста-дискурса. Её устанавливают в общепознавательном плане: «консерватизм науки и ученых сдерживает бурное продвижение новых идей, методов и терминов, поэтому по вопросу о сущности терминов текст/дискурс продолжают дискуссии. (...) Изучаемая в прагмалингвистике совокупность структурно-системных отношений, лежащих в основе текста, и наборы экстралингвистических компонентов, которые, как предполагается, находят отражение в структурно-семантическом содержании текста, называется дискурсом» (Матвеева 2008, 131). См. также: «Дискурс всегда является текстом, но обратное неверно» (Белоус 2008, 24).

Другая закономерность, восходящая к трудам Аристотеля, раскрывает многоаспектную сущность отношения «целое – часть»: «Целым называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также то, что так объемлет объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно; а это бывает двояко: или так, что каждая из этих вещей есть одно, или так, что из всех них образуется одно» (Аристотель т. 1, 1975, 174–175). И образование единой сущности из иных («вещей»), и представление о его двоякой возможности получает в области АЯЛ филологическую теоретизацию.

Во-вторых, для лингвистической теории существенны те дополнения, которые характеристика АЯЛ вносит в осмысление релевантных, базовых феноменов: «категория», «повествовательный план», «полисемия», «прагмама». Эти дополнения в ряде случаев способствуют более детерминированному, строгому, простому, полному пониманию таких явлений, как энантиосемия, оксюморон, «самофальсификация» и нек.др.

В-третьих, выполненный анализ способствует разноаспектной теоретизации особенно спорных феноменов исследуемого пространства; таковы, например, «самофальсифицируемые» высказывания, в отношении которых известны разные подходы и более убедительным оказывается подход А.Д.Шмелева. Значимость такой теоретизация состоит также в том, что она

открывает перспективу взаимодополнения внешне контрастных трактовок, расширяет плоскости исследования рассматриваемой сущности.

Практическая ценность работы заключается в трех основных аспектах. Первый – лингводидактический: результаты и материалы исследования могут, в частности, использоваться при вузовской подготовке будущих филологов - в изучении ряда тем курса современного русского языка и стилистики. Сюда входит и работа с иностранными студентами, где важна специфика внутреннего диалога и «конкретная цель коммуникации – воздействовать на обучающихся, сформировать в них черты «вторичной языковой личности» (Р.М.Теремова). ...Бесспорным признается факт, что речь ориентирована на партнера и всегда диалогична, поскольку автор письменного текста или говорящий вступает во внутренний диалог с адресатом» (Гаврилова 2007, 61). Второй аспект практической ценности связан с культурой общения в широком смысле слова. Третья сторона практической ценности результатов – лексикографическая, а именно возможное развитие таких словарных традиций, как лексикографирование речи одной определенной личности.

Апробация работы. Результаты данного исследования отражены в двух монографиях и тридцати восьми статьях. Концепция, положенная в основу работы, основные идеи диссертационного исследования были представлены на международных, всероссийских, межвузовских научных конференциях, симпозиумах и конгрессах, в том числе: «Изменяющаяся правовая система России в условиях современного социально-экономического развития» (Ростов-на-Дону, 2006), «Язык. Текст. Дискурс» (Ростов-на-Дону, 2007), «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2008), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2008), «Концепт и культура» (Кемерово, 2008), «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 2008), «Язык профессиональной коммуникации: функции, среды, технологии» (Ростов-на-Дону, 2008).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** представлены квалификационные характеристики исследования, причем особое внимание уделено обоснованию актуальности и теоретической значимости разрабатываемых проблем.

В главе 1 «ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ АМБИВАЛЕНТНОСТИ» характеризуется лексическая подсистема в плане представления ею АЯЛ.

Анализ представления АЯЛ требует соотнести внешнюю и внутреннюю системность в лексике. При этом исходим из следующего требования: «нужно, отказавшись от попыток выстроить все подсистемы языковой системы в один ряд, установить основные структурные плоскости этой системы, из пересечения которых складывается ее целостная структура, а затем в пре-

делах каждой плоскости выявить структуру соответствующей ей подсистемы языковых фактов» (Чесноков 2008а, 112).

Природа лексико-семантического представления АЯЛ побуждает избрать определенную последовательность рассмотрения: выявить общие характеристики основных групп материала (с ориентиром, амбисемией и сменной регистров); специфику соответствующего понятийного аппарата; определяющие и сопутствующие признаки системности. Соответственно членится настоящая глава и каждый ее подраздел.

В лексике проявляются те общие характеристики АЯЛ, которые определяются в грамматике и в прагматике. Но определяются они специфично, с опорой на лексическую системность. Лексические феномены, категории, отношения соотнесены с АЯЛ избирательно, и такая избирательность отражает природу лексической подсистемы.

Причем, на наш взгляд, уже в основе, в общекатегориальной сущности эта избирательность связана с личностной амбивалентностью. Определяются три ступени этой связи.

Первая характеризует обращенность слова, как основной единицы данной подсистемы (и, по мнению ряда авторов, языка вообще) к другим: «...в слове-лексеме всегда присутствуют еще и такие значения, которые объединяют ее с десятками и сотнями других слов-лексем» (Дяговец 2008, 25; указываются объединяющие отношения: абстрактные, ассоциативные и др. под.).

Еще более значим этот аспект системности на второй ступени рассматриваемой связи - при более абстрагированной и в то же время конкретной характеристике, с помощью которой, например, выдающийся современный лингвист разрешает проблему «Слово и его виды»: «Благодаря цельно-оформленности слово воплощает в себе **нерасчлененную** единицу мышления, выступающую в конкретном мыслительном процессе в качестве его наименьшего отрезка, т.е. сегмента» (Чесноков 2008, 262-263. *Выделено автором. – Н.К.*). На основе этого глубоко обоснованного обобщения необходимая взаимная обращенность лексических единиц, многоплановая и разнонаправленная, может мотивироваться именно определяющими признаками слова и, соответственно, лексической подсистемы.

В таком русле закономерной выступает и третья ступень рассматриваемой связи между амбивалентностью и лексической системностью – принципиальная соотнесенность последней с содержательными контрастами. Например, философ языка, характеризуя столкновение «выразить невыразимое» и спор-диалог с самим собой, в показательном исследовании «К философии слова» отмечает: «Человек живет в двух содержательных мирах» (Берестнев 2008, 58). Их разница и единство взаимообусловлены с внутренней личностной неоднозначностью, см. выделенные единицы в следующем контексте:

«В горах совсем другое восприятие своего «я»...Эти неодинаковые чувства – любовь и тоска – высекают из меня слезы. ...Сейчас я стоял и внутренне плакал, охваченный противоположными чувствами, которые

я раньше в себе не соединял... Дойду ли я до своей вершины...» (Токарева. Ехал грека).

Представлять амбивалентную языковую личность могут три феномена лексической системности, кратко оговоренные во Введении: ориентир, амбисемия, смена лексических регистров.

Уточним, что ориентир в гуманитарном знании определяется как носитель целеуказания (Вайль 2002, 26; Виноградов 2007, 19-20). Логическую структуру этого понятия конкретизирует его соотношенность со стратегией, тактикой: они выступают как более или менее обобщенные способы осуществить то направление, которое указано ориентиром. Показательна сущностная связь между ориентиром и смежными общегуманитарными понятиями, с одной стороны, - и распадом личности, с другой. На эту связь указывают в связи с разносторонней, в том числе языковой, социализацией, которая должна быть «ориентирована на человека», чем актуализируются «проблемы ценностных ориентаций личности», на которые влияют отсутствие «ценностных ориентиров, а также увеличение открытости и объема информации» (Сердюков 2008, 189).

Амбисемия, на основе положений В.А.Татарина (1996, 28), определяется как совмещение в лексической единице разнонаправленных компонентов, прежде всего сем. Эта номинация соотносится с другими, именуемыми соответствующий феномен: аллонимия, разноименность. См.: «Наличие семантических и/или этимологических дублетов, воплощающих «разноименность» культурных концептов, представляет собой, видимо, обязательный атрибут любого развитого естественного языка... однако наиболее значимо подобная аллонимия представлена, наверное, в русском языке» (Воркачев 2007, 127).

Смена лексических регистров основана на способности лексических единиц «вызывать представление о тех «регистрах», к которым они принадлежат» (Ульман 1980, 380; см. также Заика 2007, 15).

Отмеченные свойства лексической системности позволяют перейти к характеристике соответствующих ориентиров, амбисемии и смены регистров. Представим каждую из трех групп материалом одного художественно-документального текста (Екимов. Посланец).

В примере /а/ на амбивалентность ориентирует лексема, выражающая распад личности:

/а/«Он **распался**, перестал быть собой – талантливым врачом-ЛОРом....»

В нижеследующем отрезке /б/ ту же личность именуют разными онимы – налицо амбисемия, фиксирующая распад, «раздвоение» иным лексико-семантическим способом:

/б/«Теперь в «бригаде» он, новый боец и беспредельщик, звался **Васютой**, а в стремительно сужавшемся кругу прежних знакомых остался **Иваном** – врачом, которому пациенты доверяли абсолютно, беспредельно...»

На такое употребление единиц Иван и Васюта распространяется специфическая закономерность: оним в тексте наполняется определенным со-

держанием, становится названием конкретной образной структуры, проникается концепцией автора. И тем самым «сближается с нарицательным именем, но превосходит его своей коннотативно-речевой конденсацией в силу семантического парадокса (номинативно-индивидуализирующий языковой знак становится в речи выразителем большого смыслового потенциала, связанного с конкретным объектом)» (Суперанская 2008, 212, со ссылкой на В.Н.Михайлова).

Наконец, во фрагменте /в/ другой персонаж сочувственно характеризует действие того же врача-«бойца бригады» (криминальной группировки), Ивана-Васюты, определенным способом – сменой регистра, переключением с одной номинации на другую. Это средство также лексико-семантическое, но иного характера, нежели /а/ и /б/:

/в/«Он...не стащил, не стибрил – а вернул свое, недоплаченное государством...» См.: «СТИБРИТЬ. разг.-сниж. Украсть (БТС 1269); «СТАЩИТЬ. 5.разг. Украсть (БТС 1264).

Все три случая могут условно обобщаться следующей схемой:

$S1 \sim cAr1 \times c-Ar2$

В ней $S1$ – амбивалентная личность, представленная определенными лексическими средствами. Причем цифровым индексом 1 акцентируется единство личности, пусть даже она и явлена амбивалентными гранями.

~ знак обобщения единой личностью своих полярных граней.

$cAr1$ – определенная сема, характеризующая личность $S1$ в «первой реальности».

$c-Ar2$ - иная сема, находящаяся с семой A в отношениях референциального контраста, полярная ей и определяемая во «второй реальности».

\times – знак взаимодействия между ЯЛ-1 и ЯЛ-2.

В контексте /а/ схема раскрывается как следующая корреляция:

$S1 \text{ И-В} \sim cAr1 \text{ «распад»} \times c-Ar2 \text{ «быть собой»}$

И-В здесь и далее означает «единство» Ивана и Васюты. Схема фиксирует сложную связь между лексическим представлением распада и сохранения личности.

В контексте /б/ схема конкретизируется в такой последовательности:

$S1 \text{ И-В} \sim cAr1 \text{ Васюта} \times c-Ar2 \text{ Иван}$

Оба онима (согласно закономерности, приведенной выше в трактовке А.В.Суперанской) обладают конденсирующим потенциалом и соответствующими специфическими семами, относимыми одна к прошлому, а другая к настоящему.

В контексте /в/ та же схема реализуется иным соотношением:

$S1 \text{ И-В} \sim \text{не } cAr1 \text{ «снижение»} \times c-Ar2 \text{ «нейтральность»}$

В последнем случае дифференцирующей служит коннотация, соотнесенность между двумя сферами: вначале используются закрепленные средства (одну лексему на основе словарных данных относим к разговорно-

сниженному регистру, другую – к разговорному). Затем они сменяются нейтральным регистром.

Итак, он (Васюта-Иван) как ЯЛ определяется амбивалентно именно лексико-семантической системностью. Причем амбивалентность столь же значима, сколь и сложное единство: по Бахтину, в реальной жизни преобладают реакции на отдельные проявления, а не на целое человека, и это специфически соотносится с художественной реальностью, когда акцентируются лишь отдельные поступки проявления личности, как правило – актуализированные ранее. «В художественном же произведении в основе реакции автора на отдельные проявления героя лежит единая реакция на *целое* (*курсив автора* – Н.К.) героя, и все отдельные его проявления имеют значение для характеристики этого целого как моменты его» (Бахтин 2000, 32-33. Это обобщение в дальнейшем будет применено и к прагматической системности).

Все три отмеченных случая, являя личностную амбивалентность с участием лексической системности, вместе с тем обладают существенными различиями.

Лексико-семантический ориентир амбивалентности, то есть носитель личностной амбивалентной направленности, требует комплексной характеристики. Отметим два главных аспекта, связывающих суть ориентира и среду его проявления. Первый аспект – представление об ориентирах как носителях целеуказания, используемое лингвистами при общем анализе коммуникации (Почепцов 2008, 33, 126). Цели могут быть контрастны, что связано с многомерностью интенций, установок, с типичной, хотя и не обязательной для ЯЛ сложной системой условий.

Второй аспект – связь ориентира АЯЛ с лексической системностью. Элемент амбивалентности при этом связан с энантиосемией, которая в соответствующей научной школе рассматривается как универсальное явление (Острикова 2008, 184-186; см. также Острикова 2008а, 189).

Одним из истоков такого представления служит дискурс Ф.Достоевского, повлиявший и влияющий на развитие не только художественного, но и иных стилей. Он фиксирует, в частности, «время в его амбивалентных отношениях с пространством... Противоречия действительности, глубоко схватываемые Достоевским, эстетическая неоднозначность изображаемых им характеров создавали, естественно, неоднозначность его художественного пафоса, который мы определили бы, пользуясь терминологией М.Бахтина, как амбивалентный... всепроникающая «тенденция к амбивалентности» (Гашева 2006, 171-172)

Для научного же стиля, например, принципиально: «автору научного произведения свойственна многоликость, обусловленная многообразием функций, которые он выполняет в коммуникативно-познавательной деятельности» (Котурова, Баженова 2007, 91).

Природа лексико-семантического ориентира опирается на познавательную суть исследуемого феномена – на «амбивалентное взаимопроникновение полюсов оппозиции» (Ахиезер 1998, 160. См. также: Автономова 2008). Проиллюстрируем ориентир в общем виде с целью соотнести его сущ-

ность и среду проявления. Так, личностная амбивалентность античных правителей акцентируется в популярном труде доктора исторических наук, академика А.Г.Ильяхова. В своеобразном «дискурсе АЯЛ» можно усмотреть взаимосвязь между ее индивидуальной неповторимостью и типичностью. См. три соотносимых контекста, /а/, /б/ и /в/, лексически системно представляющих две грани АЯЛ: ЯЛ-1 и ЯЛ-2 в координатах рецепции:

/а/ «Пока Периандр правил Коринфом как тиран, в нем уживались две абсолютно противоречивые натуры: он проявлял жестокость к недругам и нежную заботливость к близким ему людям; его практическая мудрость, ясный разум, рассудительность и исключительная проницательность соседствовали с безрассудными поступками в отношении сограждан и близкой родни. С одной стороны, это был эгоист, беззастенчиво вмешивающийся в частную жизнь людей, а с другой – мудрейший правитель, денно и нощно заботящийся о своём народе. Мудреца Периандра обожала вся Греция, но многие коринфяне люто ненавидели его. А граждане других городов в трудную минуту даже обращались к нему за помощью и советами»;

/б/ «О Нероне однозначно говорить невозможно: народный любимец и мучитель... жестокий убийца и милостивый, мягкий император, щедрый и скупой... Все эти качества, возможные в обычной ситуации лишь в разных личностях, каким-то невероятным образом вместились в одном человеке – Нероне»;

/в/ «АДРИАН: ДВА ЛИЦА ОДНОГО ИМПЕРАТОРА

...При всех своих общечеловеческих достоинствах Адриан существовал как бы одновременно в двух лицах...Как отмечали античные авторы, он бывал серьезным и веселым, необузданным и осмотрительным, скупым и щедрым, откровенным и лицемерным, жестоким и милостивым, но всегда переменчивым во всем....» (Ильяхов. Эросу посвященные).

Личностная амбивалентность представлена вполне определенно, причем в этом представлении значимы лексико-семантические средства. Акценту на амбивалентность подчинен весь контекст. Вместе с тем лексико-семантическое наполнение каждого из контекстов неравноценно в плане ориентирования на АЯЛ. Основным в этом плане служат соответственно такие лексико-семантические комплексы:

/а/ в нем уживались две абсолютно противоречивые натуры;

/б/ Все эти качества, возможные в обычной ситуации лишь в разных личностях, каким-то невероятным образом вместились в одном человеке;

/в/ существовал как бы одновременно в двух лицах...

Данные комплексы ориентируют на личностную амбивалентность. Причем, абстрагированные от контекста, они могут потенциально соотноситься с характеристикой самых различных субъектов. В этом заключается обобщающая природа лексико-семантического ориентира как указателя амбивалентности. Для лингвистики она является сущностной, онтологической.

Далее перейдем к среде проявления этой сущности лексико-семантического ориентира. Амбивалентная личность – Периандр, Нерон, Адриан – представлена прежде всего в авторской языковой характеристике. АЯЛ характеризует система дискурсивных оппозиций: тождество-различие, целое часть, устойчивость-изменчивость. Для наполнения характерно использование контрастных сем, в том числе антонимических. В представлении АЯЛ определяется также единство двух макросем: грамматического значения соединительного союза и одного из лексико-семантических отношений – антонимического (оно реализуется в двух аспектах: во-первых, в системно-языковом и, во-вторых, в контекстуальном, близком к системно-речевому).

ЯЛ-1 во всех случаях явлена с участием позитивных характеристик. См.:

- /а/ рассудительность
- /б/любимец, милостивый, мягкий
- /в/ милостивый

ЯЛ-2 же в трех приведенных фрагментах представлена с участием негативных характеристик. См.:

- /а/безрассудный
- /б/мучитель, жестокий
- /в/ жестокий

Амбисемия трактуется нами как такая характеристика языковых и речевых феноменов (единиц, признаков), которая выражает совмещение противоположностей (см.: Татаринов 1996, 28). Амбисемию в связи с гибкостью семантической структуры апеллятивных именовании иллюстрирует следующее использование единицы **другой** в разных лексико-семантических вариантах, которые являются и грамматически дифференцированными:

«Таня была замужем, но ...под большим секретом для окружающих и даже для самой себя она ждала **Другого**. Искать этого Другого было некогда и негде, поэтому она ждала, что он сам ее найдет...возьмет за руку и уведет в интересную жизнь. А вместо этого входила очередная старуха и поднимала платье /в кабинете для инъекций/... Таня обижалась на свою жизнь... Выражение обиды и недоверия прочно застыло на Танином лице. И если бы Другой действительно открыл дверь и явился, то не разглядел бы ее лица под этим выражением. Он сказал бы: «Извините...» и закрыл дверь.

Таня жила с одним, а ждала **другого**, и двойственное существование развинтило ее нервную систему. Человек расстраивается, как музыкальный инструмент» (Токарева. Один кубик надежды).

В первом абзаце реализуется производный лексико-семантический вариант, характеризуемый как субстантивированная единица мужского рода (см. пометы в словарной статье). Причем он наделен особой коннотацией исключительности, что в письменной форме контекста акцентировано прописной буквой.. Во втором же абзаце представлено исходное, местоименно-адъективное значение – см.:

«**ДРУГОЙ**. 1. Не этот, не данный... 3. Не такой, как этот, иной.

> **Другой**, м. Кто-л. иной...» (Большой толковый словарь русского языка, 2004, 285)

Амбисемия, то есть «приращение», формирующее единство контрастных значений, здесь закреплено в смысловой структуре слова. Ему сопутствует маркер амбивалентности, единица двойственное (подчеркнута в контексте).

Обратимся далее к онимическим номинациям; привлечем классический материал, который, однако, не подвергался анализу в указанном аспекте, – текст «Барышня-крестьянка» в «Повестях Белкина». Для пушкинского гения значимо представление главной героини Лизы-Акулины разными гранями единой сущности. Этому сопутствуют избирательные ассоциативные связи каждой номинации. Причем у каждого онима не полностью совпадают векторы гибкости семантической структуры. Так, выбор имени Акулина коррелирует с определенной сферой его употребления. (Ограничения в этом плане могут быть в операциональных целях конкретизированы: при всей неповторимости онима Акулина в ткани данного текста, он системно уподоблен, например, ониму Агафья и не уподоблен имени Полина)

См. в контексте выделенные маркеры амбивалентности и единицы, ассоциируемые с амбисемичным онимом Акулина:

«-Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!...

-В самом деле...

-**А по-здешнему я говорить умею прекрасно!**...Какая славная выдумка!..

Она повторила свою роль..., говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и получила полное одобрение Насти.

«...Небось, милая, - сказал он (*молодой охотник. – Н.К.*) Лизе, - собака моя не кусается».

... «Да нет, барин, сказала она, **притворяясь** полуиспуганной, полузастенчивой, - боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется». Алексей... между тем пристально глядел на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься, - сказал он ей, - ты мне позволишь идти подле тебя?» - «А кто те мешает? – отвечала Лиза, - вольному воля, а дорога мирская». – «Откуда ты?» - «Из Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы» (Лиза несла кузовок на веревочке). – А ты, барин? Тугиловский, что ли?» - «Так точно, - отвечал Алексей, - я камердинер молодого барина». Алексею хотелось **уравнять** их отношения. Но Лиза поглядела на него и засмеялась. «А лжешь, - сказала она, - не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин». – «Почему же ты так думаешь? – «Да по всему... Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему». Лиза час от часу более нравилась Алексею. Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять её; но Лиза отпрыгнула от него и приняла вдруг на себя такой строгий и холодный вид, что хотя это и рассмешило Алексея, но удержало его от дальнейших покушений. «Если вы хотите, чтобы мы вперед были приятелями, - сказала она с важностью, - то не извольте забываться». – «Кто тебя научил этой премудрости? – спросил Алексей, расхохотав-

шись. ...Лиза почувствовала, что вышла было из своей роли, и тотчас поправилась. «А что думаешь? – сказала она, - разве я на барском дворе никогда не бываю? небось: всего наслышалась и нагляделась. Однако, -продолжала она, - болтая с тобою, грибов не наберешь. Иди-ка ты, барин, в сторону, а я в другую. Прощения просим...»- «Как тебя зовут, душа моя?» - «Акулиной», - отвечала Лиза...»

...«Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да не смею...»

Она решилась на другое утро опять явиться в рощу Акулиной...

...Он бросился на встречу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности... Лиза призналась, что поступок ее */второе свидание. – Н.К./* казался ей легкомысленным, что она в нем раскаивалась ... и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может довести. Всё это, разумеется, было сказано на крестьянском наречии; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея. Он употребил всё свое красноречие, дабы отвратить Акулину от ее намерения; уверял ее в невинности своих желаний...заклинал ее не лишать его одной отрады: видаться с нею наедине, хотя бы через день, хотя бы дважды в неделю. Он говорил языком истиной страсти и **в эту минуту** был точно влюблен. Лиза слушала его молча».

Особенно показательны корреляции Лиза-Акулина в речи повествователя. Неслучайность именовании в каждом фрагменте взаимодействует с относительной «броскостью» или «незаметностью», той или иной степенью мотивации выбора. Таким образом, для амбисемии оказывается благоприятной специфическая смысловая структура онима (сложно, превращенно отражающая «произвольность» знака, этимологический план, фоностилистические характеристики и другие тесно взаимосвязанные системные признаки).

Тонкая, многогранная амбивалентность (характерная для флиртующей языковой личности – Дементьев 2007, 210), естественно, предполагает в системе языка и речи более элементарную амбисемию. В таких случаях векторы амбисемии связаны с разными сферами использования соотносительных номинаций. Например:

«Ты спрашивал – кто я – Куприна или Леонтьева? Я и Леонтьева и Куприна. Для удобства я сделала себе двойную фамилию, и где нужно – я Куприна, а где нужно говорить фамилию Леонтьевой – я Леонтьева. Те люди, которые меня хорошо знают, знакомы давно, зовут меня Куприной. Те люди, с которыми я знакомлюсь мимолетно, зовут меня Леонтьевой...» (Л.А. Куприна-Леонтьева. Письмо А.И. Куприну 14.09.1922).

Приведенный пример, являя амбивалентность в простейшем виде, акцентирует два взаимосвязанных свойства. Это, во-первых, принципиальная способность многих онимов к амбисемии. А во-вторых - языковое единство такого элементарного представления с более сложным – единство, вытекающее из природы номинации и ее системных связей.

Комплексное акцентирование дифференциации иллюстрируется текстами А.Ф.Вельтмана - автора, которого справедливо считают одним из предшественников традиции Ф.М.Достоевского:

«Зоя вдруг **переменилась** так, что нельзя было узнать ее. Всё прекрасное, всё пленяющее чувства как будто исчезло для неё. Всё стало в глазах её обыкновенно, недостойно внимания; все люди, казалось, **поглупели в ее понятиях: слова их стали для нее пошлы**, поступки бессмысленны. Равнодушные ко всему, презрение ко всем стало ее девизом... Роман Матвеевич привык понемногу считать это характером – и даже иногда восхищался этим, говорил, что Зоя вся в отца» (Вельтман. Сердце и Думка).

С ориентиром **переменилась** взаимодействуют системные средства смены лексического регистра, включая лексико-словообразовательные, лексико-грамматические: глагол **поглупеть** перфективно-финитивного способа Действия с соответствующей семой приставки ПО-, при которой она «7.Вносит значение результата действия» (БТС 848); фазисный глагол **стать** в единстве с негативным атрибутом **пошлы**. Этот комплекс представляет и текстовую перспективу дальнейшего раздвоения ЯЛ Зои, распавшейся, при развитии картины мира текста, на две контрастные сущности.

Приведенный сжатый контекст отражает в представлении АЯЛ сущность текста, в котором, как писал через сто лет после его создания, в XX в. В.Ф.Переверзев, «самый слог – и тот лукаво двоится, выглядит хитрым оборотом. Вельтман и на язык перенес игру двупланностью», причем еще в первой половине XIX в. именно данные стороны текста отмечены «читателем, оставившим восторженный отзыв о романе «Сердце и Думка», - молодым Достоевским (см.: Кошелев, Чернов 1986, 12, 17. См. там же о раздвоении личности в тексте романа А.Ф.Вельтмана «Лунатик»). Как отмечают исследователи, это характерно не только для картины мира А.Ф.Вельтмана, Ф.М.Достоевского, но и для определенных типов личности того периода в целом, как представлено у той же Зои. Языковые особенности свидетельствует «о разладе в сознании человека»: «думает то, а делает другое; хочет ласковое слово сказать, а скажет задорное... Не проси – обидится, попроси – рассердится».

Соответствующие сложные и притом органичные, «первоприродные» комплексы определялись и еще ранее в классике, например, в начальный период становления норм русского литературного языка. Это совместимо с его сущностной чертой в тот период развития, получившей продолжение и в дальнейшем, – с синтезом различных начал, в частности рационального с иными, когда с необходимостью определялся «двойник ..– своего рода авторский голос, которому присуще рациональное начало» (Степанов 1960, 9). Таковы фрагменты из текста начала XIX в., выделяющегося позитивной органикой, восхищавшего Пушкина и предвосхитившего поиски Ф.М.Достоевского, – повести Антония Погорельского /А.А.Перовского/ «Двойник».

В комплексе выступают лексические ориентиры ДРУГОЙ, СОВЕРШЕННО ПОХОЖ и смена регистров, а именно семантически исходный, семантически вторичный планы и сопутствующие ассоциации – см. выделенные единицы:

«Не удивительно, что черты лица моего вам кажутся знакомыми; если вы хотя изредка смотрите в зеркало, то должны **во мне узнать самого себя**.

Тут я взглянул на незнакомца пристальнее, и внезапно холодный пот облил меня с ног до головы... Я удостоверился, что он в самом деле совершенно **похож был на меня**. Не знаю, почему мне это показалось страшным, и я несколько дрожащим голосом сказал:

-Подлинно, милостивый государь!...но пожалуйста, скажите, кто вы таковы?

- **Не кто другой**, - отвечал незнакомец, - **как вы сами**...вы, верно, слышали, что иногда человеку является собственный его образ? Я, милостивый государь, **я не кто иной, как** образ ваш, явившийся вам.

-Батюшки!...сколь ни было для меня приятно вас видеть, но...говорят, что такие явления случаются перед смертью...

-Стыдитесь, - сказал незнакомец, - стыдитесь таких вздорных предрассудков – и успокойтесь. Клянусь честью, что приход мой не предвещает вам никакого несчастья; я пришел усладить по мере возможности уединение ваше..

Слова незнакомца, уверительным тоном произнесенные, совершенно меня успокоили; я ему поверил, и в самом деле он не обманул меня. **Теперь минуло уже лет десять после первого свидания нашего, и я не только жив и здоров, но, говорят, даже приметно потолстел с того времени**».

В этом первом известном отечественном тексте такого плана привлекает внимание особое взаимодействие смены регистров с лексическими ориентирами. А именно - оживление внутренней формы при использовании компонента ДРУГОЙ, ИНОЙ в составе устойчивого оборота. Их целостная семантика и в то время, и в XXI в. лишена акцентирования семы «инаковости», ср. семантическую структуру местоименного выделения (а не инаковости), сложившуюся уже в ХУШ в. и фиксируемую современными словарями, например: **«Не кто иной (другой), как. Именно тот»** (БТС 611). Эта целостная семантика проявляется и в данном контексте: не кто иной, как вы сами, – «именно вы». Но она взаимодействует с семой «другой», изначальным носителем которой является одноименный компонент, как отдельное местоимение. Оживлению значения инаковости служат ассоциации с лексемой **образ**, близкой по значению к единству «второе Я», а также с различными носителями семы позитива: **успокоили, не обманул, поверил**. Эти переплетения создают своеобразную семантическую сеть, лексические узоры текста (Штайн 2006).

В главе 2 «ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АМБИВАЛЕНТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ» отмечается, что для системности релевантна общая и особенная связь между грамматикой и амбивалентностью, а также выявленные в материале грамматические значения и формы. Это побуждает оговорить определенную очередность изложения, связанную

с членением объектного пространства, а также определенное соотнесение опорных понятий, включая монолог и диалог.

При раскрытии грамматической системности учитывается «существование ... непрерывного спектра перехода от семантики к синтаксису и от синтаксиса к семантике» (Караулов 1981, 326).

Материал характеризуется в той последовательности, которая определяется его спецификой – языковым способом представления личностной амбивалентности. В свою очередь, способ соотносится с внеязыковыми свойствами – сущностной раздвоенностью, расчленением единства, корреляцией целого и частей. Эти свойства находят различное грамматическое соответствие. Наиболее существенны такие два вида соответствий между амбивалентностью и грамматикой: использование для представления АЛ /а/ категориальных значений общего характера; /б/ амбивалентно ориентированных («специализированных») единств.

Амбивалентность как комплексный феномен может в языковом представлении тяготеть к определенным грамматическим (и лексико-грамматическим) подсистемам и соответствующим семам: сопоставлению, партитивности и нек. др. Развитая подсистема сопоставительных отношений оказывается предпосылкой для представления АЯЛ: сопоставление может органически «совмещать два полюса», становиться, условно говоря, АЯЛ-конструкцией. Принципиально также, что расчленение единства неодинаково передается в двух формах: в стандартном монологе - и в диалоге, а также в смежных с диалогом формах (несобственно-прямой речи и под.; причем дифференциация данных форм отчасти условна, что отмечают в связи с растущим вниманием к наследию М.М.Бахтина: Артюшков 2003 и др.).

С указанными грамматическими признаками связаны разнообразие и продуктивность определенных видов представления АЯЛ. Это побуждает дифференцировать анализ грамматической системности с учетом сфер общего и особенного, а также основных и неосновных условий и выделять четыре сферы системности. Три основных элементарных условия рассматриваются в следующей очередности: реализация общего категориального значения сопоставления, представляющая АЯЛ в монологе; реализация этого же общего значения в диалоге и смежных с ним формах; использование специфических грамматических и лексико-грамматических единств. После трех основных элементарных реализаций могут рассматриваться периферийные и комплексные грамматические условия представления АЯЛ.

При этом учитывается определенная условность границ между двумя основными формами речи: монологом и диалогом. В материале проявляется их закономерная общность, побуждающая некоторых ученых заключать, что «вообще не следует проводить резкую границу между монологом и диалогом» (Артюшков 2003, 63, с обобщением взглядов Д.Брчаковой и других авторов). Первую группу реализаций сопоставительного категориального значения в границах монолога отличает единая номинация АЯЛ.

Так, в следующем примере (из медиатекста) ЯЛ известного, достойного деятеля культуры определяется автором как амбивалентная, что подкрепля-

ется мнением еще одной ЯЛ. Сопоставление, выраженное способом бессоюзия, реализуется таким образом, что контрастные характеристики одного и того же субъекта, подчеркнутые в тексте, интегрируются. Причем амбивалентность поддерживается и макроконтекстом – см. выделенное курсивом сочетание *исключающие друг друга*:

«Люди верили героям Бернеса безоговорочно, возможно, потому, что он не играл, а просто раскрывал стороны своей собственной многогранной личности. «Добрый – злой, честный – несправедливый, ...смелый – нерешительный, простодушный – хитрый, доверчивый - подозрительный, веселый – мрачный...Эти *исключающие друг друга* эпитеты можно длить и длить, и всё это будет верно» - сказал о нем Зиновий Гердт, старинный и преданный друг» (Баринова. Великий одессит из Харькова. *Выделено нами. – Н.К.*).

В дискурсе шестикратно использована схема S1n1- P 1, а не P 1. Она показывает, как у личности, номинируемой единообразно, говорящие отмечают сосуществование взаимоисключающих характеристик, предикатов и контрпредикатов. А именно:

S1n1Бернес - P 1 добрый – не P 1 злой (т.е. не добрый)и т.д.

Амбивалентность личности представлена в языковой оценке других участников коммуникативного процесса (а не в ее собственной речи), в этом здесь реализуется природа АЯЛ. Отмеченная в контексте многогранность Бернеса как ЯЛ включает такие стороны, которые совместимы только в рамках амбивалентности. Эти стороны ЯЛ представлены предикативными характеристиками. Умножение противоположностей укрепляет закономерный характер АЯЛ и оказывается ясно воспринимаемым комплексом, своеобразным стандартом, а не излишеством. Приведенное построение обладает емкой простотой. Ей служит структурное закрепление категориальной семы, синтаксическая организация. В «сопоставительном каркасе» взаимоотталкивание полюсов определяется как сложная цельность. Так выявляется взаимное благоприятствование между сопоставительной макросемой и амбивалентностью. С одной стороны, жесткость и гибкость модели таковы, что она способна удержать даже этот разительный контраст как сложную цельность, причем демонстрируются широкие границы, богатство наполнения модели. С другой стороны, сила ее крепления – импульс для развития амбивалентного наполнения, для испытания новых возможностей. Таким образом складывается сложное значение преодоления распада, снимаются ограничения на единство контрастов.

Схема S1n1- P 1, а не P 1 проявляет свою типичность как в свободной коммуникации, так и в нормативных ситуациях. Если в вышеприведенном примере так называемой свободной коммуникации (о Бернесе) регулярность представления АЯЛ подтверждалась емкостью, кратностью реализации схемы, то в нижеследующем контексте эту же регулярность подтверждает и акциональное обобщение. Такова научно-учебная рекомендация для попавших в экстремальные обстоятельства, например, для захваченных заложников:

«Займитесь сознательным раздвоением своей личности, не дожидаясь, пока она раздвоится сама в результате шизофрении. Вариантов много: Я - энтузиаст и Я – циник и т.д.» (Князев, Кейн 2005, 18; эти рекомендации характерны для различных условий и источников).

Личностная амбивалентность как феномен обладает, по данным ряда наук, определенной целостностью, завершенностью охвата явлений: от нормы до аномалии. Нормативная ситуация показала возможности сопоставительного категориального значения представлять АЯЛ. Коль скоро емкая схема представляет нормативную амбивалентность, было бы системно закономерным предположить представление аномальной АЯЛ: как таким же способом, так и иными. Предположение подтвердилось в отношении сопоставительных значений, рассматриваемых в настоящем разделе. Обратимся к синтаксически типовому контексту с союзом ЖЕ:

«Внутренний голос всё чаще стал повторять: чем просить и унижаться, лучше «свистнуть» и молчать. Другой же голос противоречил ...воровать – значит опять тюрьма. Первый голос, перебивая второй, говорил и ядовито шипел: «Что, тюрьмы испугался? (...) Иди и бери от жизни, что она тебе дает сегодня...»(Люксембург, Яндиев. Серийный убийца).

Основой представления амбивалентной, полярно двуголосой личности служит та же выявленная первая схема. См. её стандартный характер и стандартное лексическое наполнение:

Внутренний голос всё чаще стал повторять: чем просить и унижаться, лучше «свистнуть» и молчать. Другой же голос противоречил ...воровать – значит опять тюрьма. Первый голос, перебивая второй...

Перейдем к построениям где сложная единая ЯЛ номинируется по-разному (а не одинаково, как в первой группе). Причем ее контрастные характеристики распределены по сопоставляемым конструктивным центрам. См. схему (поясненную в начале подраздела):

$S1\ n1 - P1$, а $S1n2 - не P1$

Сразу отметим количественное ограничение: выявлена лишь бинарная корреляция между именованями ЯЛ-1 и ЯЛ-2 (хотя теоретически и экспериментально возможно большее число разных номинаций одной личности). Предполагаем, что ограничение вызвано требованиями емкости: с увеличением числа наименований одной, хотя и сложной ЯЛ её единство теряется, «расползается»; реципиенту, адресату речи настолько сложно отождествить, соотнести «тройную номинацию» одной ЯЛ в отмеченных условиях, что она не востребуется даже для интригующего изложения, для эффектов коммуникативного шока. Бинарная корреляция оказывается единственной реализацией обобщенного набора соотношений, частное получает статус типового представителя общего. Более того, и эта «двойная номинация» встречается значительно реже, чем первая группа, что может объясняться сходными причинами. В то же время в других аспектах лицо может именоваться протяженным рядом, включающим даже 6-7, редко более разных номинаций (например, персонажи-«оборотни» романа В.О.Богомолова «В августе сорок четвертого. В данной, второй группе для схемной семантики сопоставления зна-

чимы не только различия характеристик, но и смысловые оттенки субъекта, две соотнесенные противопоставленные номинации ЯЛ. Например:

/1/«Он (Семен по прозвищу Дуче, криминальный авторитет. – Н.К.) однажды окончательно ощутил себя Терминатором. В нем еще жил Дуче, но голос Терминатора звучал всё сильнее, набирал мощь, силу. (...)

Непосредственную подготовку к операции начал Дуче еще в начале августа. А в середине сентября решение принимал уже Терминатор. Иногда эти двое пересекались, в одной голове звучало два голоса одновременно. Иногда Терминатор как бы уходил в тень, умолкал... но всегда возвращался. Его решения становились главными, обсуждению не подлежали. Дуче никогда не расстался бы с Очкариком, но Терминатор решил жестоко и бескомпромиссно: Очкарика слить» (Константинов, Новиков. Ультиматум губернатору Петербурга);

/2/ «–Как это на стрелку без стволов?

–Делай, что говорят! – отрезал Шаман.– Центурион действует по моей команде!

–«Центурион», – передразнил Метис. – А кто ответит, если ребят положат?

–Может, ты вместо меня командовать будешь? – угрожающе процедил Шаман, но тут же сменил тон. – В городе сплошные засады. Сгореть хочешь? Те тоже без «стволов» явятся!

Недовольно бурча, Метис вышел. Генеральный директор и кандидат в законодательное собрание задумчиво смотрел ему вслед. При Толстяке таких демаршей быть не могло. Но Толстяка подбирал Шаман, а Центуриона – Воронцов, прежний и новый начальники службы безопасности отражали разные половины личности руководителя группировки. И если Центурион был более респектабельным и вхожим во многие служебные кабинеты, то Толстяк умел выполнять грязную, а если нужно – кровавую работу. Сейчас Воронцов отчетливо понял, что Бобовкина нужно срочно менять «Ладно, – подумал Шаман. – Посмотрим, как он сумеет использовать своих бывших коллег» (Корецкий. Вопреки закону).

Оба контекста однотипны в плане распределения номинаций, представляющих АЯЛ. Главное в этом распределении – соотнесенность ЯЛ-1с одним действиями, а ЯЛ-2 – с другими, контрастными. Так, в контексте /2/ директор центрального рынка города-миллионника, депутат Городской думы Воронцов с криминальным прошлым и отчасти настоящим, с уголовным «погонялом», прозвищем Шаман действует контрастно. В одном качестве он подбирает в начальники службы безопасности неподходящее лицо, между тем ранее, в иной своей ипостаси осуществил адекватный «подбор кадров».

Этой особенности сопутствуют однотипные модификации общей схемы S1n1 - P1, а S1n2 - не P1:

/1/S1 n1 Дуче P 1 не расстался бы с Очкариком,
а S1n2 Терминатор решил жестоко (не P1 – не оставлять Очкарика)

/2/ S1 n1 Шаман - P1 подбирал Толстяка,
а S1n2 Воронцов- подбирал Центуриона (не P1 Толстяка)

Для выявления различий между рассматриваемой второй группой и отмеченной выше первой уместен прием дистрибуции (в широком смысле слова). Вторая группа характеризуется специфической дистрибуцией: во всех представленных отрезках невозможна замена разных номинаций на какую-либо одну. При экспериментальной попытке превратить вторую схему в первую построение распадается, соответствующая семантика не устанавливается. Ср. реальный контекст /1/ и варианты неотмеченного, бессмысленного:

/1/ В Семене еще жил Семен, но голос Семена звучал всё сильнее, набирал мощь, силу. (...) Непосредственную подготовку к операции начал Семен еще в начале августа. А в середине сентября решение принимал уже Семен. Иногда эти двое пересекались, в одной голове звучало два голоса одновременно;*

*/1**/ В Дуче еще жил Дуче, но голос Дуче звучал всё сильнее, набирал мощь, силу. (...) Непосредственную подготовку к операции начал Дуче еще в начале августа. А в середине сентября решение принимал уже Дуче. Иногда эти двое пересекались, в одной голове звучало два голоса одновременно.*

Крайне ограничена и обратная замена – первой схемы на вторую.

Разные номинации АЯЛ используются и при иной реализации сопоставительной семантики. В следующем контексте из остросюжетного романа АЯЛ – двойник первого лица в государстве, президента России, что показано корреляцией Василий Петрович – Сам. В представлении «традиционно» участвует сопоставительное категориальное значение – см. выделенную конструкцию, интегрирующую ЯЛ-1 и ЯЛ-2:

«Эта всесторонняя продуманность и полная обеспеченность всем необходимым очень нравились Василию Петровичу. Не надо ни о чем думать, ни о чем заботиться, нет риска допустить ошибку, попасть впросак, опоздать на поезд или не достать билет на самолет. Все уже решено и организовано, каждый раз тебе дают подробный инструктаж, понятный любому кретину. От него требовалось лишь одно: точность и дисциплинированность.

Получив сигнал о дате вылета, Василий Петрович уже не отходил от телефона. В любой момент могли позвонить: «Машина ждет», и происходило превращение: **Василий Петрович исчезал, вместо него появлялся Сам**. Теперь он ехал лишь на спецавтомобилях или в особом салон-вагоне, летел на президентском самолете, его окружала охрана, большая часть которой не знала, кого она охраняет. Часы воплощения в Самого являлись звездными для Василия Петровича» (Корецкий. Вопреки закону).

Показательна роль в конструкции оборота *вместо него*, а также соотнесенность с той же моделью, служащей характеристике разных лиц. Вполне естественен иной контекст, в котором речь идет об уходе одного лица и приходе вместо него другого, безо всякой амбивалентности. Ср.:

(Наступала очередь второй смены в цеху). Иван исчезал, а вместо него на рабочем месте появлялся Сергей.

Этот контекст, сам по себе не имеющий никакого отношения к амбивалентности, показывает разницу грамматических условий для представления АЯЛ и цельной личности. Цельную личность можно представить без специальных условий, корреляций. Амбивалентная языковая личность представлена специфическими корреляциями с участием элементов контекста. Это происходит «при прочих равных», то есть при внешне однотипном лексическом наполнении.

В приведенном примере также приемом дистрибуции подтверждается невозможность замены двух разных номинаций одного лица **Василий Петрович - Сам** – на одну, единую (как в первой, ранее рассмотренной группе).

Относительную редкость приведенных, типичных случаев второй группы по сравнению с первой заманчиво было бы объяснить некоторой прямолинейностью: сопоставляемые предикаты, распространители разные, да еще и субъект именуется по-разному. Однако невозможность взаимозамен побуждает к иному объяснению: у второй и у первой групп дифференцированы семантические возможности в представлении АЯЛ. Эта дифференциация свидетельствует об известной строгости исследуемой подсистемы. В то же время - и о её относительной бедности на данном этапе становления АЯЛ.

Линейно возможны контактность/дистантность фрагментации - то есть либо резкий стык, либо плавный переход. Они обладают своими возможностями, определяемыми спецификой реализации сопоставительного категориального значения.

В следующем фрагменте персонаж, Катя, первоначально отказывается от предложения Тимофея (ещё почти незнакомого) подвезти её. А затем, не сразу, но скоро, соглашается. Каждое решение выражено одной и той же репликой – **спасибо**, а притом сопровождается объемными и достоверными внутренними мотивировками.

Амбивалентность предстает как закономерное проявление духовной сущности в сложных межличностных отношениях (см.: Михеева 2000, 45-48). И мотивировки усиливают глубокую основательность каждой из полярных интенций личности – см. подчеркнутые отрезки:

«- Садитесь, я подвезу вас, - монотонно и равнодушно, как будто выполняя скучную обязанность, велел он (Тимофей).

Она поставила его в неловкое положение, вдруг поняла Катерина с опозданием. Не предложить помощь он не может, раз уж он вообще с ней заговорил. Отправить охрану везти ее он тоже не может - охрана должна сопровождать его. Но это немислимо, чтобы он вез ее!

Люди его положения не подвозят из аэропорта девиц, оказавшихся без машины. Ей попадет от Приходченко, от Абдрашидзе, да это просто невозможно, черт возьми!

Нужно быстро и решительно отказаться, приказала себе Катерина.
- Спасибо, Тимофей Ильич, - пробормотала она застывшими от неловкости губами. - Я доберусь на такси. Спасибо.

Ей было плохо видно его лицо - ночь, снег, в очках отражались блики света от фонаря. Но ей вдруг показалось, что она разглядела усмешку.

- Я не понял, - сказал он после секундной паузы, - вы намерены со мной спорить?

И все стало предельно ясно. Нельзя отказываться, когда предлагает Тимофей Кольцов. Даже пытаться глупо и смешно. Нужно выполнять, и чем быстрее, тем лучше.

Потом, на досуге, она сможет все обдумать и выругать себя за излишнее любопытство, которое не позволило ей потихонечку шмыгнуть внутрь зала ожидания, подальше от греха и Тимофея Кольцова. И проанализировать чувства, более сложные, чем любопытство. А пока, чем дольше она мнетя в нерешительности, тем нелепее выглядит ситуация, тем дольше она задерживает Великого и Ужасного и затягивает весь пикантный эпизод с ее доставкой.

- Спасибо, Тимофей Ильич, - пробормотала Катерина фальшивым голосом и полезла в джип, волоча за собой сумку.

- Оставьте вещи, Катерина Дмитриевна, - посоветовал Кольцов. - Ребята положат в багажник» (Устинова. Персональный ангел).

Переход от отказа к согласию, от одного полюса амбивалентности к другому раскрыты подробно, что расширяет и углубляет картину фрагментации. Привлечены разнообразные ее средства. Среди них показательно высказывание **Спасибо**. Оно прагматически энантиосемично: во фрагменте /а/ означает отказ, а в отрезке /б/ передает контрастную ему интенцию, согласие. исходный фрагмент семантически достоверен.

Представим эти фрагменты как соседние - при том что в исходном анализируемом тексте они отдалены. «Стык» микрофрагментов /а - б/, осуществленный в операциональных целях, производит впечатление неприемлемого, эстетически немотивированного поведения ЯЛ. Ср.:

/а/Нужно быстро и решительно отказаться, приказала себе Катерина.

- Спасибо, Тимофей Ильич, - пробормотала она застывшими от неловкости губами. - Я доберусь на такси. Спасибо.

...- Я не понял, - сказал он после секундной паузы, - вы намерены со мной спорить?

/б/- Спасибо, Тимофей Ильич, - пробормотала Катерина фальшивым голосом и полезла в джип.

Возможности сопоставления, развернутого в контексте разнообразными сопутствующими средствами, совмещаются с категориально-лексическими возможностями этикетного слова: «СПАСИБО 1.частица. Выражает благодарность» (БТС, 1245). Как показано в специальном словаре, в смысловой структуре этой единицы с позитивным компонентом может, в несколько ином ракурсе, сочетаться контрастное – «2. Выражение возражения, несогласия, отказа что-л. сделать» (Меликян 2001, 179-180). В рассматриваемом контексте это закономерное взаимодействие проявляется в связи с АЯЛ. (Оно поддерживается и системностью другого рода: не относимой к АЯЛ, но

раскрывающей сложную и цельную суть подобных единиц, см. классический контекст:

«...Хозяйка своим громким носовым голосом спросила:

- Чаю? Молока? Яблоков? Говорите, чего хотите.

-Merci, Анна Афанасьевна.

- Merci – oui, ou merci - non?

Подобные французские фразы были неизменны в семье Зиненко. Бобров отказался от всего» (Куприн. Молох). Главный герой определяет такие клише как «узкий мещанский словарь». Возможности передачи контраста у единицы merci-мерси определяются и толкующей единицей, ср.: «МЕРСИ Разг. Спасибо, благодарю» (БТС, 534). Причем характеристики этих актуальных единиц по признаку происхождения подчеркивает энантиосемию, сближающую возможности французского и русского языков в представлении ЯЛ.

Примечательно, что в исследуемом контексте речевого поведения Катерины средства амбивалентности достаточно отдалены друг от друга. Между ними в двух абзацах пять протяженных конструкций из девяти предикативных единиц, что находится на грани оперативного восприятия (по В.Ингве – семь плюс/минус две единицы одного порядка).

Но и дистантный способ способствует прочности фрагментационного, раздваивающего контекста. По назначению он таков же, как и контактный. А в плане организации он реализует иные сближающие возможности - специфическую смысловую итеративность, включая своеобразные лексические повторы как ее средство.

Характерна такая группа реализации сопоставительного значения, представляющего АЯЛ в диалоге, как распределение ЯЛ-1 и ЯЛ-2 по двум речевым планам, сопровождаемое дифференцированными номинациями. Подобное было выявлено и в ранее рассмотренной сфере монолога.

В главе 3 «ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АМБИВАЛЕНТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» намечаются и характеризуются системные отношения в плоскости прагматики. На основе дефиниции прагмемы в актуальном словаре (Брусенская, Гаврилова, Малычева 2005, 156) предлагается рабочее определение ее гипонима: амбивалентная прагмема – это носитель прагматического смысла, обращенный к представлению амбивалентности той или иной ЯЛ, то есть к совмещению полярных, резко контрастных характеристик.

Именно в прагмалингвистическом контексте акцентируется единство ЯЛ. Отсюда вытекает последовательность характеристики материала: от наиболее элементарных проявлений с доминантой непроизвольной амбивалентности – к анализу намеренной амбивалентности, прагматики имитации, игры в этой сфере. Причем в представлении «игровой» амбивалентности учитывается ее всеобщность, связь с профессиональным статусом личности, крайние ситуации, когда имитации подвергается такое мерило искренности, как кончина лица.

Обратимся к трем типовым ситуациям борьбы, в которых проявляется «самопротиворечивость» АЯЛ.

В нижеследующем примере /1/, в классической булгаковской «драматизации» толстовской эпопеи, а также в исходном более протяженном тексте Л.Толстого ЯЛ одновременно испытывает два полярных намерения. А именно - вызвать и не вызвать на дуэль соперника, стремившегося обесчестить его невесту:

/1/ «Андрей (*один*). Мне не стоит, не стоит унижаться до столкновения с ним. Не стоит. Но я не могу не вызвать его /*Анатоля Курагина*. – *Н.К.*/, не могу, как не может голодный человек не броситься на пищу! Ах, боже мой, боже мой. И как подумаешь, что и кто – какое ничтожество может быть причиной несчастья людей!..» (Булгаков. Война и мир).

Каждое намерение представлено характерными средствами прагматической системности, причем в обоих статусах – с системным усилением:

Н1 Мне не стоит, не стоит унижаться до столкновения с ним. Не стоит.

Н2 Но я не могу не вызвать его, не могу, как не может голодный человек не броситься на пищу!

Единую языковую – прагматическую - системность характеризует использование повторов в обеих частях контекста. Специфику одного из намерений как прагмалингвистическую системную характеристику оттеняет своеобразное, предельно усиливающее – амплифицирующее - сравнение во второй части контекста.

Амбивалентной прагмемой является комплекс, заключительная часть которого (курсив в скобках) имплицитна, а всё построение, при яркой пластичности, ассоциируется в силу своей четкости с силлогизмом:

мне не стоит унижаться до столкновения с ним. Но я не могу не вызвать его (*не вызвал*).

Корреляцию между обеими гранями АЯЛ можно представить двумя уровнями обобщения.

На первом отражается сам контраст между характеристиками АЯЛ:

ЯЛ-1, отказ от дуэли, раскрывает определенную личностную независимость:

ЯЛ-2, нацеленность на дуэль, показывает некую зависимость Андрея от поведенческих стандартов, от ритуала.

См. соотношение (с условными обозначениями «н» и «з», соответственно независимость и зависимость):

ЯЛ-1н: не стоит унижаться до столкновения

ЯЛ-2з: я не могу не вызвать его

На втором уровне обобщения подтверждает свою объяснительную силу более многомерная схема, которая ранее была выявлена на материале лексической системности (глава 1). См.: S1 ~ НАr1 x НАr2

Здесь S1 – амбивалентная личность, представленная определенными лексическими средствами. Причем цифровым индексом 1 акцентируется единство личности, пусть даже она и явлена амбивалентными гранями.

~ знак обобщения единой личностью своих полярных граней.

НАr1 – определенное намерение, характеризующее личность S1 в «первой реальности», в одном из фрагментов реальности и т.п.

NAr2 – иное намерение, находящееся с предыдущим в отношениях системного прагмалингвистического контраста, полярное ему и определяемое во «второй реальности».

x – знак взаимодействия между ЯЛ-1 и ЯЛ-2.

Принципиально сохранение определенного единства Андрея как личности. Результатом столкновения намерений не становятся распад, усугубление мучений – главным результатом, явленным специфическими языковыми средствами, оказывается медитация, которую представляет комплекс: эмоциональная коммуникема, благоприятствующая прагматической дифференциации, и конструкция, организованная транспозитивным вопросительно-восклицательным местоименно-наречным словом *как*: *Ах, боже мой, боже мой. И как подумаешь, что и кто – какое ничтожество может быть причиной несчастья людей!.. См.: «АХ, БОЖЕ. Выражение удивления, недоумения, неодобрения, негат. оц., возмущения, испуга и т.п.»* (Меликян 2001, 56).

С прагматическим представлением выбора взаимодействует внеязыковая феноменологизация - вмешательство судьбы (ранение и смерть Анатоля), избавившей Андрея от этой тяжелой альтернативы, - так сохраняется сложная цельность его личности.

Отметим, что представление АЯЛ повышает прагмалингвистическую достоверность языковой картины мира: будь здесь представлена моновалентная ЯЛ, ограничилась бы многомерность ситуации.

Рассмотренный крайне сжатый контекст подчеркивает достаточно всеобщую черту – самоценность, относительную обособленность прагмалингвистической системности. Ни лексическое, ни грамматическое представление не объясняют всей сущности рассматриваемых феноменов АЯЛ. Именно категории и понятия лингвопрагматики существенны для систематики такого «совмещения несовместимого». Они позволяют установить, что связь «намерение - результат» (а также то, что их может сопровождать) закреплена в одной из подсистем языка - прагматической.

Интегративная установка проявляется во всех последующих примерах данного подраздела – даже при не совсем удачном или совсем неудачном притворстве. Он намечает закономерную природу вымысла, для которой значимо системно-языковое представление (отмеченное еще во введении в связи с идеями Л.А.Новикова о взаимодействии граней субъекта на материале романа «Евгений Онегин»). См. парадоксальное утверждение значимости лжи в следующем диалоге:

«- Художник – всегда немного лжец. А вам хотелось бы говорить людям правду?

- На мой взгляд, **истина – слишком простой и скучный инструмент для художника.** Да и всему человечеству ложь принесла довольно много пользы. Представьте: во что превратилась бы жизнь стариков, больных или людей с какими-либо увечьями, если бы в мире существовала одна лишь истина? Так что все великие творцы, все великие любовники были лгунами. Они пользуются ложью, чтобы завлечь жертву в свои сети. Но при этом расцвечивают и ее жизнь яркими красками. И вообще, если бы люди говорили в

глаза всё, что они друг о друге думают, все бы давно перессорились!» /финал интервью/ (Шигарева Ю. – Лелуш К. «Любовь придумали женщины» // АиФ. 2008. № 13. С.35).

В этом диалоге элемент теоретизации переплетается с подлежащим анализу представлением АЯЛ. В амбивалентной прагмеме существенны такие компоненты и их связь, соединяющая намерение и результаты: **ложь принесла много пользы – пользуются ложью, чтобы завлечь...- если бы люди говорили в глаза всё, что они друг о друге думают, все бы давно перессорились!** Немаловажна и статусная характеристика объекта коммуникации как «жертвы».

Это утверждение о всеобщности лжи справедливо, на наш взгляд, и для самого данного утверждения (что соотносится с некоторыми классическими софизмами). То есть правда как таковая может обладать абсолютной ценностью. Вместе с тем прагмалингвистическая представленность лжи определяется именно во взаимодействии с истиной, о чем объективно свидетельствуют и системные связи в данном диалоге, где выделенные реплики деятеля культуры, реалиста «закольцовывают» экзистенцию истины.

Переходя к итогам анализа интегративной установки, отметим такой аспект, как писательское представление собственной раздвоенности.

См. суждение автора о своей героине: «Ну и, наговорившись с Шуркой, раскладывала я вещи...и засаживалась в Троицком доме работать. Стихи писала, рассказы... В одном из них неожиданно и появилась моя Шурка: забежала на минутку к главной героине да так и осталась. Мало того – стала одеяло повествования перетягивать на себя. **С удивлением** я следила за ней... Я совершенно **не ожидала** того, что с ней случится. Я была **потрясена**. Я этого **не хотела**» (Николаева. Полет шмеля).

АЯЛ автор представлена достаточно искусно, не навязчиво, не демонстративно – и вполне определенно: «совершенно не ожидала того», что планировала. (Это представление соотносится с хрестоматийно известными суждениями А.С.Пушкина, Г.Флобера и других Мастеров). Так подтверждается дифференциация граней субъекта, автора, отмеченная ранее и укрепляемая в последние годы: «говоря об авторской субъективности, организующей произведение, нельзя забывать о многозначности и иерархичности самого понятия «автор» (Горохов 2007, 10).

В заключении **обобщаются основные результаты исследования и обосновываются его перспективы**. Вынесенные на защиту положения подтверждаются такими итоговыми обобщениями, из которых наиболее значимы следующие три.

1. Языковая и речевая системность, служащая средой проявления различных типов, видов, разновидностей языковой личности, принципиально характерологична и для АЯЛ. АЯЛ определяется как тип ЯЛ, как объект теории языка только в той мере, в какой её характеризует лингвистическая системность, а не общие психологические свойства.

Общий признак для различных видов проанализированного материала - вышшеотмеченное сосуществование взаимоисключающих начал, представлен-

ное языковыми средствами. Среди них показательны амбивалентные ФЕ, амбисемичные номинации, амбивалентные прагмемы и др. под.

Сущность АЯЛ не может быть сведена к логической связи между понятием АЛ и языковыми проявлениями (а также речевыми, речемыследеятельностными и проч.). АЯЛ – иной феномен. Он определяется языковой и речевой системностью; АЯЛ как объект лингвистики вступает в сложные междисциплинарные соответствия с АЛ, принадлежащей к объектной сфере психологии и отчасти - социологии.

АЯЛ определяется в соотношении с двумя понятиями: ЯЛ и АЛ. По отношению к ЯЛ АЯЛ - гипоним относительно гиперонима. А между АЯЛ и АЛ наблюдается частичное совпадение элементов логической структуры понятий, причем совпадающие элементы не являются конституирующими для АЯЛ. АЯЛ раскрывается в лингвистических координатах. Личностная амбивалентность не является достаточным признаком для АЯЛ. В целом ряде случаев амбивалентность личности не ведет к появлению АЯЛ – они просто определяются в сферах разного знания, в понятиях разных наук.

Вопрос о том, является ли общая, психологическая, социальная амбивалентность личности необходимым признаком для АЯЛ, - открытый постольку, поскольку амбивалентная личность недостаточно концептуализована в психологии и в социологии.

Отметим также, что есть и ситуации, когда языковая амбивалентность определяется в том или ином дискурсе, но не связана с определенной языковой личностью

Итак, ведущей для АЯЛ как типа ЯЛ оказывается её репрезентация средствами лексико-семантической, грамматической и прагматической системности.

2. Вместе с тем для АЯЛ значимо взаимодействие языковой системности с внешними условиями её проявления, с психолого-социокультурной динамикой. АЯЛ выступает как емкий феномен, адекватный нарастающей информационно-полифонии, взаимодействию противоположностей. Нарастание информационной насыщенности, «взрывной рост смыслов» отражается на личности и социуме. АЯЛ выступает как емкая реакция на эти процессы и в то же время как стимул их дальнейшего развития. Она выражает динамику информационного пространства и динамику ощущения (переживания, переосмысления) субъектом собственной жизни. Так определяются специфическая необходимость и возможности АЯЛ в связи с выживанием в определенных, в том числе типовых ситуациях.

Именно такой тип личности регулярно привлекается для формулирования и разрешения двойственности как одной из ведущих междисциплинарных проблем человека в современном мире.

Эта регулярность тем существеннее, что АЯЛ, при определенной новизне условий её развития, взаимодействует с более ранними и прочными факторами, благоприятствующими амбивалентности: от собственно языковых, например, развитой энантиосемии, до художественно-дискурсивных,

как картина мира в традиции Ф.М.Достоевского, и социально-психологических.

3. Три аспекта представления: лексический, грамматический, прагматический – проявляются относительно независимо. В ряде дискурсов АЯЛ четко определяется лишь один из них, он необходим и достаточен для репрезентации АЯЛ. Это подтверждает сферой АЯЛ значительную специфику и высокую развитость каждой из трех данных подсистем языка-речи.

В то же время закономерны два других плана: своеобразная общность между подсистемами в представлении АЯЛ, а также взаимодействие лексики, грамматики и прагматики в ряде случаев реализации АЯЛ.

Для представления амбивалентности принципиальна корреляция между двумя компонентами (частями, подпространствами) контекста.

Лингвистическая системность в представлении АЯЛ состоит в регулярном использовании комплекса средств, обладающих фрагментационным потенциалом. Релевантны единицы, семантическая структура которых содержит корреляцию «часть-целое» (*часть меня* и т.п.). При этом как контактная, так и дистантная организация представления взаимоисключающих характеристик обладает контекстуальной прочностью.

Ей способствует особая дифференциация средств, причем единообразная в лексике, грамматике и прагматике. Это соотнесенность основного и дополняющих макрокомпонентов: например, лексического ориентира и семантического «спутника», грамматических единств и их грамматической «поддержки». Между двумя макрокомпонентами – двоякая связь. С одной стороны, без основных средств амбивалентная установка определялась бы как расплывчатая. Но, с другой, если бы она ограничивалась только ими, то превратилась бы во фрагментарную, не связывалась бы с семантико-грамматической целостностью текста. А целостность особенно существенна, когда выявляется амбивалентность (представленной в тексте языковой личности). При этом статус компонента соотносится со спецификой подсистемы: так, носитель смысла «доверия-неверия» в лексике и грамматике выступает как семантический «спутник» маркера амбивалентности, а в прагматике этот компонент входит в состав маркера-амбивалентной прагмемы.

На указанном основании отмеченная дифференциация «основной – дополняющий компонент» определяется как обобщающе-лингвистическая, общесистемная в языковом плане для пространства АЯЛ. Причем интегративная установка представления АЯЛ при этом контрастно оттеняет основу амбивалентности, самое **несовместимость**. А дифференцирующая установка служит балансом, необходимым системным «противовесом» для сложного единства в этой несовместимости.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

1. Котова Н.С. Представление амбивалентной языковой личности в лексической и грамматической подсистемах русского языка. Монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2008. 12,2 п.л.

2. Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность: сущность и прагматика. Монография. Армавир: «АЛУ», 2007. 7,5 п.л.
3. * Котова Н.С. Аспекты характеристики амбивалентной языковой личности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. №4. С. 176-182.
4. * Котова Н.С. Раздвоенность и разноименность как характеристики амбивалентной языковой личности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 10. С. 135-139.
5. * Котова Н.С. О месте девиантности в характеристике амбивалентной языковой личности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 11. С.176-182.
6. * Котова Н.С. Разновидности АЯЛ в образной системе художественного текста // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 5. С.77-78.
7. *Котова Н.С. Смена лексических регистров как способ репрезентации амбивалентной языковой личности // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2008. № 3.
8. * Котова Н.С. Терминирование амбивалентности и прагмалингвистическое представление амбивалентной языковой личности // Вестник ПГЛУ. 2008. № 3. С.43-49.
9. * Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность в аспекте функционально-системной соотнесенности лексических единиц // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3.С.75-78.
- 10.* Котова Н.С. Амбисемия как характеристика амбивалентной языковой личности: предпосылки методологического анализа // Вестник ЧелГУ. 2008. №3.
- 11.* Котова Н.С. Личностная амбивалентность и система характеристик дискурса // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С.61-67.
- 12.* Котова Н.С. Языковая личность персонажа и амбивалентное начало в текстах прозы А.П. Чехова // Вестник ПГЛУ. 2008. № 4. С.52-58.
- 13.* Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность в аспекте смены лексических регистров (на материале классической и современной литературы) // Научная мысль Кавказа. 2008. №1. С. 111-118.
- 14.Котова Н.С. Мена коммуникативных ролей в аспекте амбивалентной языковой личности // Социальные и гуманитарные науки. Приложение к журналу «Вестник Московского государственного открытого университета». 2004. № 5. С.16-19.
- 15.Котова Н.С. Утаивание информации как аспект амбивалентности языковой личности // Адыгская (Черкесская) Международная Академия наук. Сборник научных статей. № 5. Нальчик; Армавир: АМАН, 2005. С.80-86.
- 16.Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность: информационно-семантический аспект // Журналистика: информационное пространство. 2006. №4. С. 27-30.
- 17.Котова Н.С. Аспектизация амбивалентности языковой личности // Изменяющаяся правовая система России в условиях современного социально-экономического развития: Материалы международной научно-

- практической конференции профессорско-преподавательского состава // Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2006. С.170-171.
18. Котова Н.С. О тождестве личности и границах амбивалентности в медиадискурсе // Журналистика: информационное пространство. 2007. № 3. С.134-135.
19. Котова Н.С. Специфические мотивировки поведения в аспекте амбивалентной языковой личности // Социальные и гуманитарные науки. М.: МГОУ, 2005. № 8. С.19-28.
20. Котова Н.С. Автор текста как амбивалентная языковая личность: предпосылки трактовки // Социальные и гуманитарные науки. М.: МГОУ, 2005. № 10. С.51-59.
21. Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность и соотношение «дискурс-текст» // Сборник науч. статей АМАН: Нальчик; Армавир, 2007. Вып.13. С.3-13.
22. Котова Н.С. Роль грамматических единств в представлении амбивалентной языковой личности (АЯЛ) // Вестник МГОУ. 2007. № 4. С.147-149.
23. Котова Н.С. О моделях, выражающих расчленение целого при представлении амбивалентной языковой личности (АЯЛ) // Сборник науч. статей АМАН: Нальчик; Армавир, 2007. Вып.12. С.60-63.
24. Котова Н.С. Сущность внутренней речи и амбивалентная языковая личность (АЯЛ) // Социальные и гуманитарные науки. М.: МГОУ, 2007. №14. С.75-80.
25. Котова Н.С. Синтаксическое представление векторного расчленения при раскрытии амбивалентной языковой личности (АЯЛ) // Социальные и гуманитарные науки. М.: МГОУ, 2007. № 13. С.34-39.
26. Котова Н.С. К общей характеристике грамматической системности при представлении амбивалентной языковой личности (АЯЛ) // Образование – Наука – Творчество. АМАН: Нальчик; Армавир, 2007. № 4. С.44-46.
27. Котова Н.С. Схемы реализации сопоставительного категориального значения при представлении амбивалентной языковой личности (АЯЛ) в монологе // Филология: Приложение к журналу «Синергетика образования». М.; Ростов н/Д: ЮО РАО, 2007. № 2. С.32-25.
28. Котова Н.С. Простота и сложность при представлении амбивалентной языковой личности (АЯЛ) в монологе // Филология: Приложение к журналу «Синергетика образования». М.; Ростов н/Д: ЮО РАО, 2007. № 1. С.11-15.
29. Котова Н.С. Двухнаправленная контекстуальная поддержка при представлении амбивалентной языковой личности (АЯЛ) в монологе // Филология: Приложение к журналу «Синергетика образования». М.; Ростов н/Д: ЮО РАО, 2007. № 3. С.10-13.
30. Котова Н.С. Степень семантической емкости при представлении амбивалентной языковой личности (АЯЛ) в монологе // Филология: Приложение к журналу «Синергетика образования». М.; Ростов н/Д: ЮО РАО, 2007. № 4. С.9-15.

31. Котова Н.С. Девиантный аспект интерпретации амбивалентной языковой личности // Мат-лы III международной научной конференции. «Язык. Дискурс. Текст». Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2007. С. 30-33.

32. Котова Н.С. Сочетание модусов раскрытия амбивалентной языковой личности (АЯЛ) // Сборник науч. статей АМАН: Нальчик; Армавир, 2007. Вып.14. С.22-25.

33. Котова Н.С. Дифференцированные номинации при раскрытии амбивалентной языковой личности (АЯЛ) в монологе // Социальные и гуманитарные науки. М.: МГОУ, 2007. № 15. С.3-9.

34. Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность: функционально-системный аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №1. С. 146-150.

35. Котова Н.С. Лексическая системность как условие представления личной амбивалентности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2008. С 122-125.

36. Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность в аспекте сферы употребления лексической единицы // Мат-лы региональной научной конференции: Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики, г.Волгоград, 29 января 2008г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. С. 475-481.

37. Котова Н.С. О некоторых способах смены лексических регистров в аспекте представления амбивалентной языковой личности // Мат-лы IV Международной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Челябинск, 2008.

38. Котова Н.С. Языковые девиации как способ репрезентации амбивалентной языковой личности // Мат-лы III Международной научной конференции «Концепт и культура». Кемерово: Кузбасвузиздат, 2008. С.828-830.

39. Котова Н.С. Дискурсивные характеристики личностной амбивалентности // Мат-лы Международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира». Казань, 2008.

40. Котова Н.С. Осмысление амбивалентной языковой личности в свете феноменологических традиций начала XX в. // Человек и язык: сборник статей к 90-летию доктора филологических наук, почетного профессора Альберта Августовича Гердта. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. С.67-71.

41. Котова Н.С. Игровая направленность как средство репрезентации амбивалентной языковой личности в профессиональной коммуникации // Мат-лы международной научной конференции «Язык профессиональной коммуникации: функции, среды, технологии». Ростов-на-Дону, 2008. С.112-116.

Примечание. Знаком * помечены статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, в которых, согласно требованиям ВАК РФ, должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук.